

СТО ПЯТАЯ ЖИЗНЬ

*И учитель отвечает.
Если твоя грудь после учения станет
шире моей, ты докажешь, что и моя
широка...*

Уолт Уитмен

АКБАРА

(Хроника одного соревнования)

М. В. Хвастунову. УЧИТЕЛЮ

СТАРТ

Этот старт был неожиданным для девятнадцатилетнего Алексея Барышева. Он стартовал, как говорится, с места в карьер...

Перед этим Алексей стоял в очереди за желтобокими апельсинами. Дело в том, что Лиля, гонщица из их команды, очень захотела апельсинов, которые продавали в дорожном буфете. А буфет окружили представители и спортсмены, потому что до начала гонки оставалось совсем немного, но очень многие захотели взять с собою на дорогу желтое чудо, отлично утоляющее жажду.

В очередь, буйную, торопливую, пришлось стать и Алексею Барышеву. Он уже сказал веселому продавцу-грузину:

— Мне два кило.

И грузин с прибаутками начал загружать тарелочку весов апельсинами, как раздался крик Лили:

— Акбар, тебе на старт...

Барышев торопливо схватил два круглых плода в руки и, не расплатившись, стремительно выбрался из очереди. Когда он оглянулся, то увидел на шоссе, на котором судьи уже выстроили велогонщиков, свой светло-оранжевый «Чемпион», а около него — тренера Юрия Николаевича. Юрий Николаевич торопливо готовил его велосипед к гонке...

Того, что он сейчас уйдет в гонку,

ВАДИМ ЧЕРНОВ

Алексей еще не знал.

Он это понял лишь тогда, когда тренер, передавая ему подготовленный велосипед, сказал:

— Ты идешь вместо Володи.

— А что с ним?

Ответа он не получил. Тренер уже ушел.

Судьи расставляли спортсменов по шесть в ряд согласно занятым ими местам в индивидуальной гонке. Барышев вчера занял первое место. И он стал в первый ряд справа, у самой обочины. Лица гонщиков, с которыми он стоял в одном ряду, были незнакомы ему. Барышев с любопытством оглядел их. Это его основные соперники. Те, которых он знал, и ребята из его команды стояли позади.

«Но что произошло с Володей?— подумал Алексей.— Почему я иду

вместо него?»

Он посмотрел на обочину дороги, где толпились зрители. Алексей хотел увидеть девушек из своей команды. И точно, он увидел Лилю. Она посылала воздушные поцелуи и что-то кричала ему, но что именно, он не слышал.

Алексей позвал ее рукой.

—Что с Володей? — крикнул ей Алексей.

Она поняла его и показала рукой на ногу.

Удрученно покачала головой. Володя повредил ногу. Наверное, при разминке. И все произошло в самый последний момент. Вот поэтому Барышев идет вместо него.

«Хорошо, что я успел к старту», — подумал Алексей и тут же услышал слова судьи:

— Вниманию гонщиков.

Приготовиться!..

Алексей сунул правую ногу в тупликс, затянул ремень и сделал несколько глубоких вдохов. И, перед тем как сесть на велосипед, он скосил глаза и увидел тренера Юрия Николаевича, который торопливо заводил мотоцикл.

1.

Врач соревнований был лаконичен и нетороплив. Он внимательно осмотрел поврежденную ногу Владимира Смирнова и сказал:

—Все — о'кей! Небольшой ушиб.

Сестра начала перебинтовывать колено спортсмена. Было немного больно. Морщась, Володя спросил:

— Доктор, а в командную пустите?

Врач пожал плечами.

— Посмотрим, — сказал он.

Тренер остановился и крикнул врачу:

— Владимир Семенович, как у моего нога- то?

Доктор небрежно махнул рукой. Тренер все понял, потихоньку выругался: «Вот не повезло!» — и рванул с места.

«Симсон» уходил вдаль по шоссе с низким ревом.

Шофер «скорой» сказал:

— Не машина, а зверь! Вот идет...

— Поехали, — сказал врач, — а то

гонщики уйдут далеко.

— Доктор, возьмите меня!

Врач колебался, смотрел в умоляющие глаза Смирнова.

— Ладно, поехали!

— Подождите! Девочки, тащите колеса моей машины.

Девушки команды «Труд» принесли колеса.

Доктор поморщился, вздохнул, но ничего не сказал. Володя поспешно объяснил:

— Акбар пошел вместо меня. И пошел на шелковых велотрубках. Понимаете? А через двадцать верст гравийка начинается. Если он заколется, то я ему хоть колеса свои отдам...

8-й КИЛОМЕТР

Барышев шел в середине колонны гонщиков на колесе у Славика. Он знал, что не размялся, что у него не сильное дыхание, а поэтому вперед пока не лез. Он вкручивался, делал глубокие вдохи и шел пока на малой передаче. Он часто болтал ногами, педали так и мелькали, но на большую передачу не включал. Барышев хорошо помнил советы тренера — он разогревал мышцы — и напряженно следил за теми, кто шел впереди. Впереди шли, низко опустившись на рули, свои — Иван и Виктор. Они держали ровный темп нарочно, чтобы дать возможность Акбару размяться, войти в ритм. Если дергаться, то Акбар может закосить дыхание. Оно у него слабое. У Акбара еще юношеские легкие — они еще не набрали мужской силы, и объем их не очень велик.

Славка — капитан команды «Труд» — зорко поглядывал вперед и по сторонам и в бок не шарахался — знал, что позади на колесе идет Барышев. Команда работала коллективно, по четкому плану, который предложил Славка-капитан.

Барышев с благодарностью думал о ребятах из своей команды. Сейчас их тактика направлена на то, чтобы дать возможность Алексею втянуться в гонку. А потом он пойдет. Потом он войдет в темп и начнет работать на победу. У

Барышева невероятно сильный и резвый рывок. Это его коронный номер, и он его еще использует для того, чтобы образовать головку в 8—10 человек и уйти от остальных гонщиков. И, конечно, в этой головке должно быть минимум двое трудовцев. А лучше, если будет трое...

Славка-капитан ослабил давление на педали и поравнялся с Барышевым. Когда глянул на обочину, увидел столб, цифру восемь, сказал Барышеву:

—Прошли восемь. Норма?

—Норма. Давай...

Они начали не спеша и как можно незаметнее выбирать из середины вперед, к Ивану и Виктору. Пора начинать действовать, пора начинать борьбу, а не зевать. Если хочешь победы, навязывай противникам свою тактику. Таков закон...

—Ха! — крикнул Славка-капитан и огляделся.

2.

—Шестьдесят идут, — сказал шофер «скорой», поглядев на спидометр.

—Погода без ветра, вот и идут шестьдесят,— сказал Смирнов.

—Интересно, — сказал врач, — просто исключительно интересно! Я всегда с удовольствием бываю на велогонках.

—Медленное убийство, — вставил шофер,— сто пятьдесят с такой скоростью! Никакая лошадь не выдержит...

—Они очень тренированы,— сказал врач,— хотя, конечно, вело — это сверхспорт.

—Они кушают и пьют на ходу. Вот, черти,— сказал шофер.

—Воду пьете, а как же... — спросил шофер у Володи.

Володя смутился и промолчал.

—У них потом выходит, — пояснил доктор. — При таких нагрузках происходит колоссальное обезвоживание организма гонщика.

—Володя, пятый и седьмой, видите, это из вашей команды? — спросил врач.

—Ага, — сказал Смирнов. — Наши. Это Славик и Акбар. У Акбара — седьмой. Они сейчас отрыв будут делать.

—Интересно!

—Конечно. Акбар уже размялся...

В это время Славка-капитан что-то крикнул и, оглянувшись, резко рванулся вперед. Майка надувалась у него на спине, голова была вытянута параллельно рулю... Доктор спросил: —Этот Акбар пошел в гонку вместо вас?

—Да.

—Странное у него имя, — сказал шофер.— Акбар. Так собак называют. В армии я возил полковника. Так у него была немецкая овчарка. Акбаром звалась. — Акбар — это не имя, — отозвался Володя.

—Так вот я и говорю, что не имя.

—Его звать Алексей. А фамилия Барышев. Молодой парень, но способный! Знаете, какой у него рывок?

—Акбар — это тигриное имя, — сказал доктор. — Есть фильм «Тигр Акбар». А ваш Акбар, значит, — тигр шоссе.

—Это мы его Акбаром прозвали, — сказал Смирнов.

—А почему?— спросил доктор.

АЛЕКСЕЙ БАРЫШЕВ

Алексей Барышев пришел в центральную велосекцию «Труда» три года назад. Пришел семнадцатилетним разбитным паренком и сказал тренеру Юрию Николаевичу:

—Вы звали, вот я и пришел.

Тренер удивился и потер припухшие красные глаза указательным пальцем. Он что-то не помнит, что звал этого парня к себе в велосекцию, и спросил:

—Когда звал?

—А в цехе, — пояснил Барышев.— Вы на перерыве речь толкали в нашем цехе. Говорили, что мужественные и сильные люди могут приходиться в велосекцию и тренироваться.

—Да, да, было такое, — вспомнил Юрий Николаевич и улыбнулся.

Барышев оглядел стоявших около спортсменов, успел заметить и хорошенькую Лиллю, И скромно сказал:

—Я мужественный и сильный человек. И тут же без паузы:

— Какой велосипед будет мой?

Тренер развел руками. Спортсмены засмеялись, но это не смутило бравого Алешу.

— Мне красный велосипед, — сказал Барышев. — И гончий. Простой у меня есть дома. Вишневого цвета.

— Значит, тебе красный? — спросил тренер.

— Да. Красный красивее. Я люблю все красное...

— ...Как все глупцы, — перебил кто-то его из ребят.

Лиля звонко рассмеялась. Барышев сузил глаза, сжал кулаки.

— Это кто? Это кто хочет в лоб?

Юрий Николаевич сказал:

— Не кипятись. Остынь, а нет — иди, откуда пришел. Ты тренироваться пришел?

— Да.

— Вот и отлично. Давай знакомиться. Я тренер секции Юрий Николаевич Соболев. А, тебя как звать?

Алексей сказал.

Юрий Николаевич подошел к столу, раскрыл журнал.

— Я запишу тебя, Алексей Константинович Барышев, в журнал, но прежде ты узнай наши требования. В секции никто не курит, не пьет, не пропускает тренировок. Иначе — просим отсюда. Ведь из человека, который пьет или курит, или пропускает тренировки, никогда хорошего спортсмена не получится. Верно?

— Это так.

— А теперь посмотри на заповеди велосекции. Вот они.

Тренер показал на стену. Сверху висела надпись: «УГОЛОК СПОРТСМЕНА», ниже стенгазета «ВЕЛОГОНЩИК» и «ЗАПОВЕДИ ВЕЛОГОНЩИКА». Они гласили: 1) *Помни, что велоспорт — коллективный спорт. Один не победишь в гонке.* 2) *Помни, что главное в гонке — работать на победу команды.* И другие, в которых повторялось слово «работать». Алексей всегда с уважением относился к этому слову. Это великое слово. И он притих, виновато улыбнулся. Тренер спросил:

— Согласен с нашими законами?

— Приблизительно.

А через минуту он сказал очень вежливо:

— Курить нельзя, пить нельзя... Простите, а за девушками можно ухаживать?

И стрельнул озорными глазами в сторону Лили.

— Можно, да осторожно, — ответила вместо тренера Лиля.

А Володька Смирнов предложил:

— Ребята, туш Лиле.

— «Ту, ту, ту-ту-ту...» — заиграли на губах ребята. А тренер, старый седой тренер, с серьезным видом дирижировал. Это окончательно смутило Барышева. В этот вечер он больше не озорничал. Он точно отвечал на вопросы Юрия Николаевича.

— Кем работаешь?

— Токарем.

— Давно?

— Второй год.

— Мастер у вас кто?

— Семилетов.

— Ивана Ипатыча знаю! Значит, ты в бригаде коммунистического труда и выполняешь коммунистические заповеди.

— Выполняю... план всегда на 150—170 процентов.

— Ишь ты! А учишься где?

— В кружке техминимума.

— Ну вот, Алеша. Будешь у нас тренироваться, придется тебе учиться. Ты будто бы неглупый парень. А теперь расскажи про свою жизнь. Как жил. Биографию свою.

Алексей Барышев гмыкнул. «Допрос» не очень нравился ему, но... И он рассказал о том, что у матери и отца он один. А родился в 1942 году. Батя воевал. Инвалидом пришел. Сейчас на пенсии. Сердитый такой и нервный он человек, но ведь отец... Мать сердечница. Вот он и пошел после восьмого на завод, чтобы к отцовской пенсии добавку приносить. И любит он, Алексей Барышев, больше всего книги.

А потом тренер показал Барышеву велосипед. Салатный такой, с восьмью

скоростями и старенький, но это ничего. Лиля вытащила из шкафа новые велотуфли, новую форму. Юрий Николаевич записал все это в ведомость и сказал:

—Распишись, брат, за велосипед, который закрепляется за тобой, и за спортивную форму...

Алексей прищурился, взял карандаш и размашисто расписался так: А. К. Бар.

Лиля, глянувшая в ведомость, восхитилась:

—Акбар! Ребята, смотрите, он — А.К. Бар!

Так и прозвал его с тех пор не Алешей, а Акбаром.

* * * * *

—Значит, ваш Акбар — это сокращенно Алексей Константинович Барышев, — сказал доктор. — Прелестная аббревиатура!

— Что? — переспросил шофер.

— Аббревиатура, — пояснил Володя Смирнов. — Так называется сложно-сокращенное слово.

Доктор залиvisto рассмеялся. Смирнов на заднем сиденье пожал плечами. «Вот смешливый этот врач, — подумал он. — Все хо-хо, да ха-ха...»

И меня мурыжил полчаса. Я бы мог идти в гонке, а он мариновал, все ногу щупал и замораживал. И вот тебе, Акбар пошел. Ему еще рано сто пятьдесят крутить. Понимаете, доктор, рано!»

3.

День был безветренный, очень жаркий. Мужчины стартовали в двенадцатом часу, сразу после финиша девушек. Девушкам, конечно, повезло. Они шли по утренней прохладе, хотя и утром было жарко. Термометр показывал 27 градусов в тени. К обеду стало хуже и, главное, душно. Похоже, что к вечеру должен пойти дождь. Но в небе — ни облачка. Тренер осмотрел небо и вздохнул. Кавказский хребет был ясно виден в голубоватой дали.

—Тридцать пять будет, — сказал Юрий Николаевич, — а дальше — еще хуже.

Лиля сияла с глаз защитные очки. Она, щурясь, смотрела на тренера. А он

подумал, что у нее красивые глаза, глубокие и нежные. «У Барышева есть вкус», — подумал тренер.

— Да, жарко, — повторил Юрий Николаевич, — тридцать пять будет.

— С гаком, — сказала Лиля, — все как нарочно!

Из головы теперь не уходила тревожная мысль о Барышеве.

—Ладно, — сказал тренер, — попробуем схитрить и как-то передать Акбару бачок с водой.

Лиля улыбнулась и надела очки. Она была в тонком шерстяном костюме, плотно обтягивающем ее фигуру. Раньше, еще в школе, она занималась гимнастикой. Велосипед — это ее вторая любовь.

Тренер завел мотоцикл.

— Мы попробуем уговорить судей, — сказал тренер. — Может, они уважат меня, старика, и пропустят вперед. Если нет, то...

Юрий Николаевич, после того как нагнал кавалькаду машин, следовавших за головной группой гонщиков, совсем близко подъехал к серебристой «Волге» главного судьи, посигналил. Судья высунул голову из машины.

— Разрешите обойти головку! — крикнул Юрий Николаевич.

— Зачем?

— У меня гонщик ушел без воды!

Главный махнул рукой.

— Вам ли говорить, Юрий Николаевич, что нельзя.

Юрий Николаевич не ожидал иного ответа и не обиделся. Нельзя так нельзя. Он это учел и стал действовать по другому плану. Через пять километров от шоссе отходила боковая дорога — проселок. Она вела к небольшому хуторку и затем возвращалась на асфальт. И тренер решил ехать по проселку, чтобы выскочить наперерез гонщикам.

«Если я не использую все возможности, чтобы передать Акбару воду, — думал тренер, — то потом буду укорять себя. Разве не я позабыл о велотрубках и о воде? Я, наверное, старею.

Пусть я старею, но мои ученики не должны от этого страдать. Вот так-то,

Юра, Юрочка, старая ты калоша.

Ну, положим, я все равно нужен ребятам. Ребятам нужен мой опыт. Вот именно, опыт и знания».

Мысль о том, что он еще нужен ребятам, остановилась в голове старого тренера и не уходила. Она пробиралась по извилинам мозга к сердцу и душе. Когда путь ее был закончен, Юрий Николаевич встрепенулся.

«Чему я их учу?— спросил сам себя Юрий Николаевич.— Я учу их умению мыслить и быть мужественными при любых обстоятельствах. Разве это не так? Конечно, у меня это получается не совсем хорошо. Я не Великий Старец, который научил меня тому, как победить в гонке на приз «Звездное колесо». Мне надо жалеть, что я не встретил его раньше. Тогда было бы все иначе. Но я встретил Великого Старца в тридцать лет, а не в двадцать, когда впервые сел на гоночный велосипед...»

ВЕЛИКИЙ СТАРЕЦ

Это произошло более тридцати лет назад.

Юрий - Николаевич возвращался с тренировки узкой лесной дорогой. Тогда он готовился к большой и ответственной велогонке. Он прошел больше ста километров и ехал неторопливо, ни о чем не думая. Он слушал шум леса и вдруг за поворотом заметил, что впереди его едет на велосипеде человек. Соболев не смог остаться равнодушным. Охваченный азартом, желанием догнать незнакомца и перегнать его, он сильнее придавил на педали и набрал скорость.

Когда он поравнялся с незнакомцем, ему стало неловко. На стареньком велосипеде (наверное, этот велосипед служил хозяину и до революции) сидел старик с густой белой бородой. Он бодро крутил педали, низко склоняясь к рулю, и исподлобья глядел вперед. И самое удивительное было то, что незнакомый старик ехал достаточно быстро. И его дыхание было ровным, глубоким. Усталости не чувствовалось в его облике.

«Ну, чистый Толстой», — подумал

Юрий Николаевич и окликнул старика:

—Дедушка, нам по пути. Верно?

Старик молчал. Он словно не слышал вопроса. Юрий Николаевич подъехал совсем близко, тронул плечо незнакомца.

—Деда, вы что, глухой?

Старик метнул взгляд из-под густых бровей на Юрия Николаевича, добродушно улыбнулся.

—Плохо слышу, — признался. Голос у него был с хрипотцой, но слова он выговаривал четко и ясно.

А потом они остановились около раскидистого дерева, сели в тени, кушали, говорили. Старик радовался, как ребенок, узнав, что Юрий Николаевич гонщик-спортсмен и будет участвовать в гонке на приз «Звездное колесо».

— А вы знаете, — спросил старик, — что нужно для того, чтобы выиграть этот приз?

— Иметь сильные ноги,— сказал старику Юрий Николаевич. Надо хорошо тренироваться...

— А думать?— спросил старик.— Надо еще и думать. Это даже важнее. Приз «Звездное колесо» выиграет мудрец. Да, да, мудрец...

— Как это так?— удивился гонщик.

— Поможет голова ногам, — сказал тогда старик, — и приз ваш. Точно говорю вам!

— А вы кто будете?

Старик не ответил на этот вопрос. Может, потому, что он плохо слышал и не разобрал слов Соболева. Кто знает!..

Юрий Николаевич лишь через много дней узнал о том, что беседовал с Циолковским. И это после того, как победил в гонке на приз «Звездное колесо». Приз вручал уже знакомый ему старик, с которым он встретился перед этим на лесной дороге.

К победителю подошел корреспондент:

— Расскажите, как вы победили?

— Обыкновенно, — ответил Соболев и посмотрел на Циолковского, который, приставив к уху ладонь, пытался слышать разговор.

—Это совсем просто, когда голова помогает ногам...

* * * * *

Юрий Николаевич вывел мотоцикл с проселка на шоссе и плавно затормозил. На черном асфальте остался рубчатый след. Асфальт под жаркими лучами плавился.

— Лиля, — сказал тренер, — Лиля, вы оставайтесь здесь, а я проеду дальше. Вы предупредите Акбара, что я его жду.

Лиля кивнула головой.

— Хорошо, Учитель, — сказала она. — А может, лучше подать ему на ходу с мотоцикла?

Тренер усмехнулся.

— Нет, так нет. Если с мотоцикла, судьи могут предъявить претензии. И правы будут.

Юрий Николаевич сел на «Симсон» и проехал с километр, потом остановился, поставил мотоцикл на подножку и стал

ждать гонщиков. Он посмотрел на часы.

— Они идут двадцать минут, — подумал он вслух и удивился. Ему до сих пор казалось, что старт был дан давно, по крайней мере час назад.

Тренер поджег сухой лист кукурузы. Дым вился вверх. Воздух, казалось, застыл и был совсем неподвижен. Но если смотреть вдоль шоссе, можно было видеть, как воздух струится над асфальтом, который вдали казался блестящим, словно зеркало.

Скоро тренер увидел гонщиков. Он взял бачок с водой, велотрубку и приготовился. Он считал, что Акбар, предупрежденный Лилей, сумеет во время отстать от группы на пять или десять метров и будет идти по бордюру. Он все ему передаст. Акбар быстро сунет бачок в крепление на руле и защелкнет замок. А велотрубку он возьмет потом и наденет ее на плечи. По расчетам тренера выходило, что это займет две или три секунды. Акбар отстанет от группы всего метров на тридцать и потом рывком достанет ее.

Конечно, гонщики могут заметить маневр Акбара и, как только он начнет отставать от группы, сделают рывок. Но ведь в группе есть наши: Иван, Славка, Виктор. Они будут в это время лидерами и, в случае необходимости, поломают рывок тех, кто захочет его сделать.

Гонщики приближались очень быстро. Впереди их, как заметил тренер, шел велосипедист в белой майке. «В чем дело? — подумал Юрий Николаевич. — Кто это?» — и догадка осенила его и расстроила. Да ведь это Акбар! Но почему он впереди? Ну, конечно, Акбар решил сделать все по-иному. Акбар, предупрежденный Лилей, не пошел в конец группы, а решил оторваться от группы, создать между собой и группой дистанцию. И пока он брал бы у тренера бачок и трубку, группа накатила бы его. «Мальчишка, — сердито подумал Юрий Николаевич, — глупый мальчишка! Они гонятся за тобой, боятся отпустить. Но ведь этого и следовало бы ожидать».

Тренер понял, что он ничего не передаст. Акбар сделал явную глупость.

И тренер подбежал к мотоциклу, включил зажигание. Когда группа велогонщиков, следовавшая по пятам Акбара, который часто оглядывался, пронеслась мимо с бешеной скоростью, тренер громко крикнул: «Акбар!» и нажал на кнопку сигнала. Низкое басовитое и долгое «пи-и-и» заглушило другие звуки на шоссе.

Юрий Николаевич видел, как Славка-капитан поднял и быстро опустил левую руку. По крайней мере он все услышал и понял. Один долгий сигнал «Симсона» означал: «Акбар, надо думать. Думай, Акбар!»

4.

— Вот и правильно, Учитель. Надо думать, Акбар, прежде, чем принимать решения, — сказал Володя.

— Что? — спросил врач.

— Учитель сказал Акбару, что он сделал глупость и надо думать, — ответил Володя.

Врач с сомнением покачал головой.

— Он, наверное, ничего не услышал.

— Ну-у, сигнал «Симсона» и глухой услышит. Это же «Симсон». Знаете, какой у него мощный сигнал? Как у паровоза.

— Вот оно что, — сказал доктор. — Ловко придумано!

— У нас разработана целая система, — пояснил Смирнов. — Один долгий — «думай». Два коротких — «сбавь скорость». Короткий, отрывистый — «делай рывок» и так далее.

— Ловко придумано, — сказал врач и вздохнул. — До чего только может додуматься человек! И велосипед он выдумал, и мотоцикл, и дома, и ракеты... А ведь вообще-то человек — удивительно зыбкая конструкция, несовершенная...

— Ну, это вы зря, — возразил Володя.

— Смотрите, смотрите, — закричал шофер, который не очень прислушивался к спору врача и Смирнова, — Акбар ушел от группы!

Володя и доктор глянули вперед. Они увидели, что Барышев и еще один гонщик в алой майке шли впереди всех, оторвавшись от головки метров на

двести.

— Жми, Акбарчик, — прошептал Володя, стиснув от волнения кулаки. — Уходи, Акбар!

21-й КИЛОМЕТР

Самочувствие Барышева было превосходным. Он часто делал рывки, взяв инициативу ведения гонки на себя. Поначалу Славка-капитан одергивал его. Он боялся, что Акбар утомится раньше времени. Но Акбар чувствовал себя настолько хорошо, что то и дело, подъезжая к сильным гонщикам, предлагал:

— Стрельнем?

То, что он вчера победил в индивидуальной гонке, мешало ему. Гонщики боялись Барышева. А он еще так вызывающе вел себя. На всякий рывок Алексей получал ответ. Его тотчас начинали преследовать. Его боялись отпустить. И за ним следили, подстерегали каждый шаг.

Акбар за короткое время многих утомил своими непрерывными рывками. И, в сущности, заслуга Барышева та, что он сколотил буквально на первых километрах головку. Слабые гонщики отсеялись быстро, потому что рывки Алексея были стремительны и невыносимы. Он развивал такую скорость, что даже самые сильные с трудом усиживали у него на колесе. И, наконец, их осталось четырнадцать человек: четверо из «Труда», трое из «Буревестника» (студенты были основные соперники трудовцев), мастер спорта и остальные четверо из разных команд, которые не представляли угрозы. Борьба за первое командное место шла между «Трудом», «Буревестником» и «Спартаком». Но шансы спартаковцев сразу упали, как только в головной группе их осталось двое. Это порадовало и трудовцев и студентов. Но Славка-капитан считал, что лучше было бы, если бы осталось двое из «Буревестника». Но их было трое, и они мешали, расстраивали все замыслы трудовцев. Положение осложнялось тем, что личник, мастер спорта, был

студентом и поэтому помогал из-за солидарности команде «Буревестника».

Попытка Славки уговорить мастера оставаться нейтральным не увенчалась успехом. Он даже разозлился на Учителя. Как это Учитель, обычно очень дальновидный, не учел этого? Ведь судейская коллегия допустила мастера в гонку с согласия всех представителей команд и с согласия Учителя...

И вот почему Славка-капитан с ребятами прикрыл наиболее удачный рывок Акбара, стал тормозить группу. Ведь Акбар ушел с мастером. Это было выгодно для команды «Труда» вдвойне. Акбар впереди с мастером, уход которого сразу ослабил коллективные усилия студенческой команды.

Учитель одобрил решение команды. Славка, Иван и Виктор слышали два раза повторенные сигналы Учителя — три коротких гудка. Они означали — «поступаете правильно». Но вслед за этим Учитель дал один длинный сигнал — «Думайте».

Славка-капитан вначале растерялся. Думать? Над чем думать? Но скоро он сообразил. Неплохо бы кинуть к Акбару еще одного своего, скажем, Виктора, а после этого приложить все усилия на торможение группы. Тормозить ее до тех пор, пока беглецы не скроются из глаз. Дело в том, что на Акбара трудно надеяться. Впереди еще более ста километров. Сумеет ли он выдержать гонку вдвоем? У Акбара мало выносливости. Вот если бы вместо Акбара с мастером ушел Виктор или он, Славка, все было бы хорошо. Конечно, этот мастер сильный парень. Ни Славка, ни Виктор не сумеют выиграть у него финиш, но это ничего, а вот если Барышев дойдет до финиша... Акбару только дай возможность прийти на финиш. Финиш он выиграл бы у самого Капитанова! Акбар — финишек, спурт — его коронный номер. Но у Барышева мало выносливости. Он еще молодой парень. У него частое дыхание. В общем, еще не пришло время Акбара побеждать на дальних дистанциях. И вот почему Учитель берег его. Он решил после

индивидуальной гонки поберечь Барышева. Идти должны были они вчетвером. Учитель допускал такой вариант: в общем старте выигрывает команда студентов, второе — «Труд». Но ведь по первому дню «Труд» — лидер соревнований. Но, конечно, в командной гонке сборная «Труда» должна занять в любом случае первое место. И тут должен сыграть свою роль Акбар, отдохнувший, стремительный Акбар, задача которого, по мысли Учителя, заключалась бы в поддержании очень высокой скорости. Но так не получилось. Акбар пошел в общем старте вместо Володи. Учитель не захотел рисковать. Выпускать троих, когда зачет по сумме времени трех? Но это опасно! А вдруг с одним из гонщиков что-то случится? Тогда это откинет всю команду на одно из последних мест.

Учитель не стал рисковать. Конечно, Акбар вместо Володи — это осложняет задачи всей команды, ухудшает ее положение. И раз Акбар пошел, надо играть наверняка, трудовцам следует бороться за первое место «зубами».

...Акбар ушел вместе с мастером. Его уход прикрыли трудовцы. Они приложили все усилия, чтобы парализовать действия студентов, не пустить их вперед. Вместе с тем Славка-капитан раздумывал, как «пульнуть» к Акбару своего человека. Пусть даже ценой замены: он, Славка, или Виктор вместо Акбара. Акбару лучше идти в большой группе. Это выгодно по двум причинам. Во-первых, с группой Акбар дойдет до финиша, у него хватит сил. Во-вторых, Акбар опять-таки сумеет у всех выиграть финиш. Таким образом, он займет третье место, а Славка, заменивший Акбара, — пусть даже второе. И, в общем, получается победа сборной «Труда».

Так размышлял Славка-капитан, и так думал Учитель, следовавший за гонщиками на своем «Симсоне». Акбар и мастер между тем уходили все дальше и дальше.

Акбар шел ходко, весело. Он радовался, что сумел оторваться от группы, и голова

его наполнилась победными мыслями.

«Учитель одобрил мой отрыв с мастером,— думал Акбар. — Я ушел и этим доказал, что сильнее всех. Ушел с сильным гонщиком. Мы с ним дойдем до самого финиша. Финиш я выиграю. Не я буду, если не выиграю! Я не пожалею себя. У меня сильные, хорошие, ноги».

«Учитель, поймите, я не тщеславный. Нет, я благодарный. Только ради того, чтобы вы гордились мною, я хотел бы побеждать, побеждать...»

«Учитель, я жажду победы для вас. Вы много сделали для меня. Вы меня сделали сильным, мужественным человеком. Ха, разве это не так? Я хожу мягко и пружинисто, потому что у меня сильные ноги. Я дышу легко и свободно, потому, что у меня развитые в сотнях тренировок легкие. Я не знаю, что такое боль в сердце. Я даже не замечаю, что у меня есть сердце, настолько оно хорошее и мощное. Я работаю на заводе и не устаю, потому что я тренирован и силен. Мои товарищи прислушиваются ко мне, уважают, потому что от вас, Учитель, я узнал много. Я узнал, где находится Тау Кита и знаю про радиовахту Струве-Дрейка. Я знаю, в чем заключается сила человека».

5.

Юрий Николаевич остановил мотоцикл.

— Вы, Лиля, отдохните, и я отдохну. У меня устают руки,— сказал тренер — нервы тоже...

— Ох, вот если бы у ребят не было завала!— сказала Лиля.

— Не будет. В головке остались самые опытные. А Барышев — впереди.

— Акбар молодец. Убежал-таки!

— Убежал, но вдвоем им придется туго. Вдвоем идти — это не в группе. Я боюсь за Акбара, не хватит его.

— Учитель! Он настойчивый. Я ведь знаю. И может стать победителем гонки.

— Это так. Но я не очень верю в его победу.

— Он будет бороться до конца. Вот увидите! Чтобы доказать вам и всем. Знаете, Учитель, у него есть мечта. И вообще он фантазер.

— Разве это плохо?

— Нет, конечно. Это хорошо. Вы знаете, Акбар мечтает выиграть такую гонку, чтобы рассеять ваши сомнения. И когда-нибудь попросить у вас права расписаться на «Звездном колесе».

— Вот как? Пора ехать... Так вы говорите, Лиля, что Акбар мечтает расписаться?

ЗВЕЗДНОЕ КОЛЕСО

В сборную «Труда» Алексей Барышев попал в прошлом году. В прошлом году состав сборной почти переменялся. Из «старичков» остались двое — Володя Смирнов и Слава Абдалов. Капитаном Учитель назначил Абдалова, выполнившего перед этим норматив мастера спорта.

После того, как окончательно определился и был утвержден состав сборной, Учитель пригласил всех ребят и девушек команды к себе домой. Все волновались, когда шли на Лесную, где жил тренер. Шли пять парней и пять девушек. Семь человек из них еще ни разу не бывали у Юрия Николаевича дома.

— И «Звездное колесо» покажет? — любопытствовал больше всех Барышев.

— Покажет, — говорила Лиля, капитан женской сборной команды. — И не только «Колесо», но и письма Циолковского, все свои грамоты, медали...

— Но ведь самое главное — «Звездное колесо»!

Да, приз «Звездное колесо» был самой великой достопримечательностью в спортивной коллекции Учителя. О нем знали почти все гонщики страны. О «Колесе» ходили легенды. Говорили, что это самый оригинальный и самый дорогой приз во всей истории русского велоспорта. Но самая большая ценность «Звездного колеса» заключалась не в том, что он был тонкой и ювелирной работы, и не в том, что «Колесо» и звезды, разбросанные по черному небосводу, сделаны из чистого серебра. К этому призу прикасались руки самых великопных гонщиков, которых только знал

мир в XX веке и с которыми встречался Учитель. И больше того, многие гонщики экстра-класса высекли на призе свою фамилию, расписались на «Звездном колесе».

Расписаться на «Колесе» — это значит добиться особой чести и признания самого Учителя. А он был весьма разборчив. Многие не понимали его требований к гонщику, который имеет право оставить свою фамилию на черном мраморе приза. И даже иронизировали по этому поводу: «Станный человек этот Юрий Николаевич. Для него, порою, ничего не значит, если человек выиграл первенство Союза. Сколько было у нас за последние двадцать лет чемпионов страны? А многие ли из них могут похвастать тем, что попали в «Колесо»? Раз, два и обчелся... Старик чудит и разборчив, как девушка на выданье».

И вот Барышев с товарищами в просторной комнате Учителя. В комнате очень чисто, уютно и красиво. Она напоминает небольшой спортивный зал и... библиотеку одновременно. Около одной стены — шведская лесенка, вдоль стоит низкая спортивная скамейка, аккуратный помост, сделанный руками Юрия Николаевича, а на нем гантели, гири... Хотя старику за шестьдесят, тренировок он не прекращает. Возможно, поэтому на вид ему не более сорока лет.

Учитель улыбнулся, развел руками, показывая комнату, в которой в пору разместиться только сборной.

Учитель трет глаза пальцами, разминает, массирует их. Они все хуже видят, но он крепится, очков признавать не хочет.

— Члены сборной, — говорит тренер, — это моя опора, гордость моя. И к каждому, кто попадает в сборную, я очень резко повышаю требования. Вы меня все называете Учителем. Это очень хорошо! Но если я — Учитель, то вы мои ближайшие ученики...

— Апостолы, — вставляет Барышев.

— Пусть апостолы, — соглашается Учитель. — Так вот, вы должны помогать мне учить остальных в секции. А чему? Вы это прекрасно знаете. Мужеству и

умению думать, мужеству и умению думать... и остальному. Тактике, езде на велосипеде, ремонту машин и прочим пустякам, которые можно познать и самостоятельно, без тренера...

Потом они пили чай, любовались спортивными трофеями Юрия Николаевича и, конечно, — «Звездным колесом».

«Звездное колесо» — это отполированный кусок черного гранита в виде треугольника. По гипотенузе покато спускалась перевернутая чаша небосвода. По небосводу были разбросаны, искусно смонтированные большие и маленькие серебряные звездочки. И среди них катилось с вершины мраморного треугольника гоночное велосипедное колесо, сделанное тоже из серебра.

— Это приз, я понимаю! — восхищался Барышев, Но больше всего его взволновали росписи велогонщиков.

— Целая история велосипеда, — сказал Учитель, показывая на приз. — На нем расписывались велогонщики России, Польши, Германии, Италии, Франции, проявившие хоть один раз в соревнованиях истинное мужество или умение думать.

Потом Учитель сказал, что на «Звездном колесе», к сожалению, еще нет росписи Германа Титова. Но Герман еще распишется, не как космонавт, а как велогонщик, ставший космонавтом.

— Учитель, — спросил Алексей, — а вашим ученикам приходилось расписываться на «Звездном колесе»?

— Были и такие, Алексей.

Тренер показал росписи своих учеников. Барышев пожал плечами. Лишь две фамилии что-то говорили ему, были известны. Юрий Николаевич понял Алексея и сказал:

— Конечно, не все, кто оставил свою роспись на призе, были известны. Вот, к примеру, Сережа Павлов. У него был второй разряд, и ни разу в жизни он не занимал первого места даже в самой маленькой гонке. Но...

— У Барышева нет бачка с водой, — ска-

зал Юрий Николаевич, усаживаясь на «Симсон», — а тут такая жара. Тяжко ему будет.

— Тяжко, — отозвалась Лиля.

— И мы можем дать ему воды только после поворота, — сказал тренер, — раньше никак не получится.

— А если нам попробовать снова выйти наперерез, как прошлый раз?

— Это исключается. Обгонять нам не разрешат судьи, а обходной дороги нет. Дадим на повороте... Но поехали, а то мы засиделись. Будем догонять.

б.

— Ну и припекает солнце, — сказал врач со вздохом, — а многие ушли со старта без головных уборов. Это я прошляпил.

— Что вы прошляпили? — спросил Володя, который смотрел на шоссе, на то, как идет гонка, и плохо слышал доктора.

— Шапочки не все надели, — сказал врач, — шапочки, черт их бы побрал!

— Да ничего, — сказал Володя. — Я уже шесть лет бывал на гонках и ни разу не видел, чтобы кого-либо из гонщиков хватил солнечный удар. Хотя, конечно, судьи каждый раз требуют: шапочки, без шапочек не пустим на старт!

— Но ведь положено!

— Разве это жара, — сказал Володя. — Я вот был в ташкентской гонке. И была жара. Вы знаете, уму непостижимо! Никогда мне не было так жарко. Мы тащились все, как вареные. Скоро финиш, а мы идем, и перед глазами огненные круги, и полнейшее безразличие. Шли по инерции, через силу. А сколько тогда сошло! Половина гонщиков. А перед финишем судьи догадались, вызвали из города пожарную машину. Так нас полили, и мы честь честью разыграли финиш. Я тогда, помню, вторым пришел. А мог быть первым.

— А что помешало?

— Да начали пожарники поливать нас, а мы обрадовались. Полезли все под струю, где гуще, и полоскаемся. И я полоскаюсь. Льет на меня вода, а я словно рождаюсь на этот свет. Приятно было! И совсем не услышал сигнала

Учителя. Увлёкся. Только на второй раз услышал, как «Симсон» орет: «Думай, думай!». Я глядь, а гонщики, кто поумнее, отрыв заделали. Поливают так, что гай шумит. Я за ними. Догнал, но вот выиграть финиш не сумел, духу не хватило.

— Ишь ты, — сказал шофер, — значит, кабы не ваш старикан, так и второго места не было бы?

— Выходит, так. В гонке, знаете, трудно и крутить и соображать одновременно. Вы спросите гонщика, что он думал во время гонки? Большинство ответит, ничего не думал. Удивительно! Гонка идет час, два и пять часов. И выходит, что люди часами ни о чем не думают. Вообще-то, оно так получается, но это плохо.

— А любопытный ваш тренер, — сказал доктор. — Значит, заставляет вас быть мудрецами? Любопытный этот ваш тренер. С причудами.

— Он хороший, — сказал Володя. — И в свое время выиграл приз «Звездное колесо», потому что думал, крутил и думал.

— Ладно, — сказал доктор. — Вы почти убедили меня.

Володя, перестав спорить, высунул голову из машины и стал смотреть вперед на гонщиков. Они шли со средней скоростью, в одном темпе. Барышев и мастер совсем скрылись из глаз. И этого оказалось достаточным для того, чтобы гонщики забыли о них, прекратили погоню за «беглецами».

«Это хорошо, — удовлетворенно подумал Смирнов. — Акбар может победить в этой гонке».

62-й КИЛОМЕТР

Почти сорок километров шел Барышев с мастером и не чувствовал усталости. Они сменялись через каждые двести-триста метров. Так было удобнее. Встречного ветра не было, и можно было вести помногу. Они хорошо приладились друг к другу, четко проводили смену, экономя каждый грамм силы. Этот мастер, звали его Сергей, был сильным,

опытным гонщиком. Он не вилял, шел ровно, так что Барышев «сидел» у него на колесе почти вплотную и без всякого страха. Разговаривали они редко и мало, берегли дыхание.

В общем, все было хорошо. И лишь одно начинало сказываться на Алексее — жара. Ему захотелось пить. Быть может, это желание не было бы столь острым, если бы Сергей не пил. Но Сергей часто полоскал рот водой из своего бачка. Барышев не мог равнодушно смотреть, как Сергей потягивает воду из бачка. А попросить он не решался. Неудобно было. Потом ему в голову пришла мысль, что Сергей в конце концов сообразит и предложит ему воды. Но Сергей не предлагал.

«Вот недогадливый, зануда, — без особого зла думал Алексей. — Пьет, а товарищу — фига».

В конце концов жажда пересилила Барышева. Он, набравшись храбрости, крикнул:

— Серега, дай мне промочить рот! А то язык опух.

— Ты без воды? — удивленно спросил Сергей.

— Стартовал без воды.

— Силен, брат! Хороший гонщик на сто пятьдесят без воды не ходит. Тяжело!

— Конечно, тяжело. Но так получилось...

После короткого молчания Сергей сказал:

— Леха, ты не обижайся из-за воды. У меня осталось чуть-чуть, а впереди еще верст девяносто. Я иду личником, у меня нет на трассе тренера, представителя. Не будет у меня воды, так кто мне ее даст? Тебе, Леха, тренер даст. Он на «Симсоне» бегают. Или кто из своих. А мне никто не даст. Я сам за себя. Ты не обижайся!

— Ладно,— сказал Алексей и сменил Сергея, закрыл его от встречного потока воздуха. Обида сжала сердце Барышева, а пить, как нарочно, захотелось еще сильнее.

— Жмот ты, Серега! Воду зажал товарищу.

Думаешь что? Выиграть у меня финиш?

Алексей грубо выругался.

—...В нос тебе, в нос,— распаялся Барышев и начал хвастать. — У меня финиш и Капитонов не выиграл бы. Я финишек, у кого хочешь спроси.

— Не трепись!— хмуро отрезал Сергей.

— Я видел не таких. Побереги дыхание...

Мысль о том, что Барышев без воды, волновала Володю Смирнова... Он видел, что солнце палит все сильнее и сильнее и что Учитель тарыхтит на «Симсоне» позади них. Учитель ничем не может помочь Барышеву. И у Володи созрел план.

— Доктор,— сказал он, — может, проскочим вперед, посмотрим, как те двое идут. Может, с ними что случилось? Врач лениво пожал плечами.

— Случится, так мы сразу их накатим. Они впереди всего на три-четыре километра. Завал может случиться здесь, в основной группе. Тут мы нужны.

Доктор молчал. Володю выручил шофер. Шофер хмуро сказал:

— Доктор, а чего не мотнуться? Его вон дружок сколько сил приложил, ушел вперед. И пить ему хочется.

— Ладно, — согласился врач, — ладно, поехали, но очень быстро.

Смирнов тотчас высунул голову из машины, поискал глазами «Симсон». Он был позади, метрах в пятидесяти.—

Учитель! — закричал Володя и замахал рукой.

Юрий Николаевич подъехал вплотную к «Волге».

— Учитель, — сказал Смирнов, — у меня есть возможность подъехать к Акбару. Лилька, давай бачок!

7.

— Вы подъезжайте к ним вплотную,— сказал Володя шоферу, — и идите рядом с их скоростью. Я все передам на ходу.

— Ладно, — сказал шофер.

— Как он только передаст, сразу делайте поворот и возвращайтесь назад, — добавил врач.

— Ладно, — кивнул головой шофер.

69-й КИЛОМЕТР

Крутить было тяжело. Они шли по шоссе, которое недавно посыпали щебенкой и полили гудроном. Колеса липли к гудрону, и крутить было тяжело. Барышев то и дело прижимал к колесам руку в велоперчатке и обтирал налипший гудрон и мелкие камешки. Но это мало помогало. Он ехал и боялся. Боялся он за свои тонкие шелковые трубки, которые ежесекундно мог пробить острый камешек.

Они прошли через железнодорожный переезд. До поворота оставалось немного, чуть больше шести километров. Сергей посмотрел на часы.

— Леха! — крикнул он, — через восемнадцать минут переезд перекроют. Надо торопиться к повороту. Сделаем поворот и сюда, чтобы успеть проскочить до поезда.

— Я иду ничего, — сказал Барышев. — Это ты тилипаешься, как телега. А еще мастер!

Упрек был справедливый. Алексей вел сильнее, чем Сергей. Вот почему Сергей промолчал.

— Поливай, поливай, — ворчал Барышев, сидя на колесе у Сергея, — все равно я обойду тебя на финише...

И вдруг он почувствовал, что крутить стало гораздо тяжелее. Он глянул на колеса. Задняя велотрубка спускала воздух на глазах.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», — горестно подумал Барышев.

— Что ты, выходи! — сказал Сергей.

Алексей вышел, изо всех сил налегая на педали. Но вот колесо застучало по дороге.

— Прокол, — сказал Сергей.

Барышев с ненавистью глянул из-под руки на Сергея и резко затормозил, соскочил с велосипеда. Остановился и Сергей. Он был взволнован, пожалуй, сильнее, чем Барышев.

Они стояли на горячем асфальте молча. Первым заговорил Сергей.

— Вот беда! — сказал он с отчаянием. — Вот беда!

Барышев тупо смотрел на спущенное колесо. Сергей щелкнул замком

крепления бачка с водой.

— Леха, выпей глоток!

Алексей, скрипнув зубами, заорал: — Иди к черту со своей водой! Чего стоишь? Поезжай, поезжай, все будешь ближе к финишу, но только первым тебе его не взять. Я буду первым!

— Леха!

— Поезжай, падло, я догоню и обгоню все равно тебя и всех! Поезжай!

Сергей с испугом поглядел на побледневшего и яростного Барышева, махнул рукой и сел на велосипед.

Он уехал уже далеко. Барышев глядел ему вслед и вдруг заметил, что у Сергея под седлом привязана запасная велотрубка. Может, он даст?

— Серега! — закричал Барышев. — Серега!..

У Акбара прокол! — воскликнул Володя. Он все видел издали. И видел, как уехал Сергей и как бросил велосипед Барышев и потом, как он сел на землю.

Смирнов схватил велотрубку и запасное заднее колесо и выскочил из машины.

— Акбар, миленький, быстрее!

— Он не падал? — крикнул врач.

Володя отрицательно махнул рукой.

А Барышев не верил своим глазам. Володька словно с неба свалился. И в руках у него велотрубка и запасное колесо. Барышев быстро перевернул велосипед, отжал зажимы эксцентриков и одним ударом выбил колесо.

— Акбарушка, скорее монтируй и пошел, — торопливо заговорил Володя. — Разрыв минут в шесть. Ты должен успеть...

— Смирнов, поехали! — закричал врач.

— Сейчас!.. Будь здоров, Акбарушка!

Володя прямо на ходу вскочил в машину. «Волга» развернулась. Володя приветственно помахал рукой и вдруг заметил, что рядом с ним на сиденье катается бачок с водой.

— Вода! — взмолился Володя. — Я ему не передал...

— Все, — сказал сердито доктор, — возвращаться не будем. Так он, значит,

не падал?

8.

Глаза Юрия Николаевича устали от напряжения, которое они испытывали за сегодняшний день. Но все равно они оставались зоркими и внимательными, относительно всего, что касалось гонки. Тренер хорошо видел, как Иван, Виктор и Славка-капитан честно работали, когда были лидерами, и, стараясь тратить как можно меньше сил, садились на колесо. Ребята шли вразбивку: свой, чужой, свой, чужой... Такой прием гарантировал их от внезапного рывка противника. Группа шла в резвом, но ровном темпе. Скорость не падала ниже сорока километров в час.

И вдруг тренер почувствовал, что скорость гонщиков возросла. Ненамного, но возросла. Тренер забеспокоился. Многолетний опыт говорил, что возникли новые обстоятельства. Но какие?

Юрий Николаевич встал во весь рост и, управляя мотоциклом стоя, посмотрел вперед и свистнул.

— Что такое? — спросила Лиля.

— Впереди Барышев или мастер. Не пойму, кто именно. Лиленька, у вас глаза лучше...

75-й КИЛОМЕТР

Они настигали Барышева. Барышеву казалось, что он слышит их прерывистое дыхание. И он боялся оглянуться, боялся потерять время. Он видел перед собой лишь убегающую назад ленту шоссе, а впереди — полосатую поворотную тумбу.

Барышев думал:

«Я должен удержаться. Я должен повернуть раньше, чем они настигнут меня. Я должен после поворота очень резко набрать скорость и уйти от них».

Барышев скосил взгляд на левую руку, на часы.

«Осталось восемь минут, — подумал он. — Да переезда от поворота чуть больше пяти километров. Восемь минут и пять километров. Надо раньше их прийти к переезду, проскочить его до поезда. И тогда они останутся с носом. Я скроюсь из глаз, сумею догнать Серегу».

Барышев сделал безупречный поворот и потерял при этом совсем мало

скорости. Это придало ему сил. После поворота он встал на ноги, пошел «танцовщицей», развивая скорость. Это был длинный и очень бурный рывок в его стиле. В конце рывка мимо него к повороту пронеслась группа. Кто-то из спартаковцев орал:

— Поворот, тормози, ребя...

Тренер понял, что Барышев хочет отыграться на повороте. И одобрил его поступок.

— Он очень технично делает повороты, — сказал тренер Лиле к стал тормозить, чтобы не подъезжать очень близко к повороту. Мотоцикл остановился. Юрий Николаевич не стал глушить мотора. Он видел чистый разворот Барышева, его последующий рывок и довольно улыбнулся. Затея Алешки удалась. А потом тренер увидел гонщиков, подходивших на скорости к повороту, беготню судей около поворотной тумбы, и...

— Завал! — отчаянно крикнула Лиля.

Да, это был завал. Первый гонщик в черной майке не рассчитал, круто завернул руль и вылетел из седла. Те, кто шел за ним, падали поочередно. Лишь четверо гонщиков (среди них двое трудовцев) сумели избежать падения. Они объехали упавших, закончили разворот и рванулись вперед. Еще двое быстро поднялись, вскочили на велосипеды и бросились следом...

Тренер включил скорость, отжал муфту сцепления, и «Симсон» зарокотал. Тренер мчался к повороту. Через 10 секунд он был у поворотной тумбы. Врач уже осматривал Ивана. Лицо Ивана кривилось в болезненной гримасе. Руки были в ссадинах. Два других гонщика спешно натягивали новые трубки. А еще один, из «Буревестника», и целый, и невредимый, горестно смотрел на смятое переднее колесо своего велосипеда.

— Юрий Николаевич!

— Да.

Перед Юрием Николаевичем стоял представитель команды «Буревестник». Он с мольбой сложил руки на груди.

— Юрий Николаевич, если ваш, который упал, не пойдет, дайте колесо с его машины?

Юрий Николаевич шагнул к Ивану. — Ваня, ты сильно?

— Учитель, если надо, я пойду...

Тренер быстрым взглядом окинул Ивана.

Он был в плачевном состоянии: ссадины на руках, на плече и на боку, трусы порвались. Иван с трудом поднял правую руку, сказал:

— Плечо вот маленько...

Врач: — Ему нельзя.

Тренер: — Он не пойдет дальше, — и тут же представителю «Буревестника»: — Берите колесо.

Гонщик из «Буревестника», у которого было разбито колесо, бросился к велосипеду Ивана.

— Ой, какая восьмерка...

В это время Юрий Николаевич услышал гудок паровоза. Он вздрогнул, обернулся к старшему судье на повороте, быстро спросил:

— А кто из судей на переезде?

— Не знаю. Наверное, сам главный.

Тренер глянул на часы. Поезд должен миновать переезд через пять минут. И тренера охватило волнение. А вдруг на переезде нет никого? И гонщики у переезда. Разве их остановит шлагбаум, страх перед опасностью?

— Товарищ судья, поехали со мною. Мы еще успеем к переезду. Вдруг там никого нет...

Судья и тренер побежали к «Симсону». Мотор завелся сразу. Юрий Николаевич развернулся и увидел, что гонщик из «Буревестника» пытается быстро выправить восьмерку на Ивановом колесе. Рядом с ним стоял и давал советы Володя Смирнов,

— Володя! — крикнул тренер уже на ходу. — Пусть парень не возится! Отдай ему запасное колесо! У Лили возьми!

— Но ведь, Учитель...

Юрий Николаевич не слышал жалобного восклицания Смирнова.

Когда Барышев быстро оглянулся, то увидел, что его и преследователей разделяет примерно метров семьсот. И он обрадовался. Впереди чернел упирающийся в небо шлагбаум. Потом он услышал совсем близкий гудок паровоза. Шлагбаум на переезде, до которого оставалось метров триста или чуть больше, начал медленно опускаться.

Алексей поднялся на ноги и пошел стремительным спуртом. «Только бы успеть, только бы успеть», — повторял он про себя и давил на педали все сильнее.

Шлагбаум был уже закрыт. Барышев нажал на оба тормоза, рискуя пожечь велотрубки об асфальт, и спрыгнул с седла. Он сделал это неудачно, потому что упал на колени, но быстро поднялся и побежал. А поезд был в ста метрах от переезда. У будочки стоял железнодорожник с желтым флажком в руках. Он оглянулся, увидел Барышева, который подлазил под шлагбаум с велосипедом на плече.

— Куда прешь, дура, — крикнул железнодорожник, — обожди маленько.

Но Барышев не обратил внимания на его слова. Он торопился разделить себя и преследователей поездом. А паровоз, мчавшийся на всех парах, был совсем рядом...

Юрий Николаевич, промчавшись, как вихрь, мимо четверки, спешащей вперед, видел, что Барышев соскочил с велосипеда, упал, но поднялся и побежал к шлагбауму. И он скрипнул зубами, и, стараясь перекрыть рев мотора, закричал судье:

— Включите секундомер! Включите секундомер!

Но судья его уже включил. Он пустил секундомер в тот момент, как Барышев спрыгнул с седла.

А тренер нажал кнопки сигнала: «Думай, думай, Акбар!» — надрывался мощный клаксон стремительного «Симсона».

И Барышев услышал. Он сделал шаг назад, замер. А еще через секунду его обдало дымом и паром. Он стоял, опустив голову, и мимо с лязгом

проносился поезд. «Как же это я? — горестно думал Алексей. — Как я не успел, как? А если бы я поскользнулся на рельсах? Тогда что? Ничего. Я успел бы...»

Голос тренера был спокойный, рука тренера легла на плечо Барышева.

— Алеша, послушай меня внимательно, Алеша, твою задержку судьи учтут. Так что ты не огорчайся.

Поезд проносился мимо. Это был товарный состав, груженный кавказским хлебом, и он казался нескончаемым.

Барышев облизал пересохшие губы и хрипло спросил:

— Учитель, у вас есть вода?

— Мой мальчик, Лиля с бачками на повороте. А я приехал с судьей. Дай мне велосипед, я подержу его, а ты зайди к обходчику. Прополощи хорошенько горло, попей, но немного. Самую малость...

В будке обходчика уже были гонщики. Они жадно пили воду.

9.

Гонка шла уже третий час. Машина врача неотступно следовала за велосипедистами вместе с другими судейскими машинами. Юрий Николаевич катил на своем «Симсоне» чуть позади. Судьи не пускали его слишком близко к гонщикам: таков закон соревнований.

— Я и за миллион рублей не стал бы гонщиком, — сказал шофер.

— То ли дело в машине, сиди и верти баранку...

— Быть гонщиком интереснее, чем иметь в кармане миллион, — сказал Володя.

— Спорт нужен для того, чтобы выращивать сильных людей, — сказал врач и, прищурясь, поглядел на Смирнова.

Володя пожал плечами: «Что за странный тип — этот врач?» — подумал он.

— Впрочем, — продолжал врач, — перед этим мы выяснили, что по-вашему, спорт нужен для воспитания мудрецов, сильных, выносливых!

— Вот именно, — сказал Володя, — но ваша ирония мне непонятна.

— Помилуйте! — воскликнул врач, —

какая тут ирония! Ни капельки нет иронии. Хотя, конечно, внутренне я с вами не согласен. Спорт и мудрость слишком разные вещи.

— Неправда, доктор, неправда! Вы посмотрите на Акбара. Смотрите. Он шел первым, но изменились обстоятельства, которые сыграли против него, и он перестал быть первым. Он идет с товарищами и сейчас напряженно думает.

— Простите, но над чем?

— Над тем, как снова оторваться от группы, победить. У него сил столько же, сколько и у других. Он так же тренирован, но он боец, мыслитель, выбирающий наиболее верный вариант, который ведет к победе. Вы думаете, ему легко? О, я знаю Барышева! Ему чертовски тяжело, как и всем. Ведь уже пройдено более 90 километров по страшной жаре. И вот он сейчас вбирает в себя максимальное количество информации, все учитывает свою волю, свои силы и то, как чувствует себя каждый из его противников. Задача ясна, надо уйти, и он ищет приемлемые способы для ее решения.

— Я хотел бы, чтобы он был первым в финише, — сказал шофер.

— Он очень характерный парень.

Доктор заметил:

— Да, у него воля к победе ярко выражена.

Я не возражаю, если он победит.

110-й КИЛОМЕТР

Барышев приложил все усилия к тому, чтобы оторваться, но напрасно. Славка-капитан сказал ему:

— Кончай, Акбар, а то тебя не хватит.

— Но почему все не работают, чтобы достать мастера?

— Берегут силы для финиша.

«Если я или все мы не догоним мастера, — думал Барышев, — я останусь трепачом. И первое место — тью-тью! Но что сделать тогда? Ведь они прицепились как клещи. Не оторвешься».

Барышев подъехал к Виктору.

— Дай бачок попить. Виктор дал.
— Может, ты мне его отдашь? — Зачем?
— Я все равно оторвусь. Вода пригодится мне. А ты можешь попросить у Славки, когда надо.

— Бери, но как ты оторвешься! Скоро начнутся подъемы. А на подъемах ты слабак. Могут «сбросить».

Барышев сделал несколько глубоких вдохов и снова — рывок. Когда он обернулся, то увидел, что их осталось пятеро.

— Дает прикурить наш Акбар! — воскликнул шофер. — Их осталось пятеро,

— Трое наших, — сказал Володя, — и двое из «Буревестника». Отлично! Победа будет наша!

10.

Юрий Николаевич хотел верить в чудо. Он был старый и мудрый человек, но просто по-человечески хотел верить в чудо. Его ум, его расчеты говорили, что Барышев еще мальчишка, выносливость которого имеет точно означенный предел. Тренер знал этот предел, на то он и тренер. Но все дело в том, что Алексей перешагнул свой предел. Гонщик как бы опрокинул все предположения Юрия Николаевича и продолжал гонку без всяких внешних признаков утомления. Более того, Барышев по-прежнему держал инициативу в своих руках. И вот почему тренер стал надеяться на чудо, на то, что Алексея хватит, что он дойдет до финиша вместе со всеми.

Быть может, он, тренер, что-то не учел, недооценил этого парня. Вмешались неведомые тренеру обстоятельства и силы. Они гонят Барышева вперед, они — источник его, казалось бы, неиссякаемой энергии. Но сколь долго будут действовать эти силы и обстоятельства? Этого тренер не знал. Вполне возможно, что они изменят Барышеву в один прекрасный момент, и все пойдет прахом.

«Леша, Леша, — думал тренер с волнением глядя вперед, — ты для меня просто загадка. Неужели тебя хватит?»

— Если Акбар победит, — сказала Лиля, — я его расцелую.

— Можно, — сказал тренер, — лично я не возражаю. Только, только...

— Вы не верите, Учитель? Акбар чувствует себя хорошо. Смотрите, он не отсидивается на колесе, он все время впереди и крутит ровно и сильно...

Тренер сказал:

— Я боюсь, что Алексей идет на нервах, а сам этого в запальчивости, в пылу борьбы не замечает. Я этого очень боюсь, Лиленька. Стоит ему отстать, почувствовать, что он смертельно устал, — и все. Он так нерасчетлив!

— Пусть нерасчетлив, зато полон желания победить. Разве плохо это — быть полным желания, честолюбия, веры в себя? Скажите, Учитель, разве это плохо?

— Наверное, неплохо. Я еще не думал над этим. И вообще, Лилия, я зря кажусь вам мудрым. Я над многим не размышлял. Скажем, над тем, что такое честолюбие. Пережиток ли оно или ценное человеческое качество? Не знаю. Сам никогда не был честолюбив. И побеждал в гонках не потому, что хотел восхищения, славы. Нет, не потому. Меня просто захватывал дух борьбы. Всегда! И потом, мне было интересно знать, на что я способен, что выйдет, если я не буду жалеть себя? И, знаете, после финиша, после того, как кончалась гонка и играла музыка, и раздавали призы, мне иногда становилось грустно. У меня возникало впечатление, что у меня забрали нечто дорогое, мою мечту, мое стремление. Все кончилось. Как противно сознавать, что все кончилось, что наступил триумф и нет борьбы и нет жажды! Я утешался лишь тем, что впереди меня ждет новая гонка, новая сладкая и трудная жизнь, что я снова должен бороться и преодолевать усталость.

— Я вас слушаю внимательно, — сказала Лилия.

— Да, — сказал тренер, — да. Слушайте. А вот наш Алексей...

— Начинаются подъемы, — сказала Лилия. — И такие крутые!

— Вот именно, — сказал тренер. —

Очень крутые. Здесь решится судьба Барышева, и мы узнаем, чего он стоит...

11.

Шоссе уходило к небу. Оно извивалось, кружило, взбираясь к дальней синеве все выше и выше. Медицинская машина шла медленно, на второй скорости. Мотор натужно гудел. А гонщики все чаще и чаще вставали на педали. Лишь приемом «танцовщица» можно было преодолеть некоторые очень крутые подъемы.

В небе плавилось лохматое солнце. Оно равнодушно смотрело вниз, упираясь лучами в мокрые спины спортсменов.

— А ведь Акбару тяжело, — сказал шофер «Волги», — уже он отставать начал.

— Он на подъемах слаб, — сказал Смирнов.

— Слабый, слабый, — отозвался врач, — а чуть отстанет — сразу рывок! Упорный парень! Этот парень мне нравится. Ему, очевидно, очень хочется быть первым. И будет. Честолюбия в нем хватает.

Володя перебил врача:

— Не в честолюбии дело, доктор!

— Вы думаете? А я, знаете, физиономист, вижу, чем человек дышит. Ваш Акбар хочет быть первым. Невероятно хочет! Смотрите, он очень устал, движения его не ритмичны, судорожны, а он борется. Почему? В нем горит огонь честолюбия, священный огонь! Этот огонь заставляет людей делать великие поступки.

— Не всех, доктор, — сказал Володя, — не всех.

— Почему не всех? Честолюбие — двигатель в человеке. Это люди поняли тысячи лет назад и создали системы поощрений. Возьмем, к примеру, греков. Они разработали четкую систему поощрения честолюбцев. Скажем, юноша свершил подвиг в битве с врагом. По греческим законам любая красивая девушка становится его. Или ему дают лавровый венок. С седой древности пришло к нам выражение: «Увенчать лаврами». Конечно, в наше время честолюбие не в моде. Оно чуть ли не презирается. За что, почему? Это не пережиток капитализма,

смею вас уверить, не пережиток, а нечто очень присущее самой человеческой природе. Честолюбие надо развивать, поощрять, если оно приносит обществу пользу.

— Нет, — сказал Володя, — нет. Что-то у вас, доктор, не так.

— Ах, не так! Простите, почему не так?

— Раньше было так, а сейчас не так.

— Сплошной туман и идеализм. Разве в нашей стране не существует мощнейшего института воздаяния чести отдельным индивидуальностям за особые заслуги? Существует, милейший! Это ордена, звания, похвала и даже обыкновенные премиальные за перевыполнение плана. Мы все стремимся к этому и пользуемся без всякого стеснения, потому что в этом нет ничего зазорного. Мы берем то, что заслужили. Нам приятно, когда нас выделяют. Однажды выделившись, мы хотим выделяться сильнее. Поощрение — топливо, нет, меха, раздувающие в человеке пламень честолюбия, и он стремится к большему. Возьмем Наполеона, величайшего честолюбца. Он создал целую империю, чтобы насытить пламень, пожирающий его душу. Или Пушкина «Я великим быть желаю...» Мальчишкой был, а писал: «Я великим быть желаю...» Но мало желания. Надо доказать. И он доказывал, доказывал до тех пор, пока не получил право воскликнуть: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» Экая гордыня, экая страсть и сила, порой недоступная для нашего понимания!

— Вы путаете разные вещи, — сказал Володя. — Очень путаете. Люди очень часто идут на подвиг не ради удовлетворения честолюбия. Быть может, Пушкин был даже честолюбивым. Мы этого не знаем. Он был просто мужественный человек, страстно любил Родину.

— Согласен. И любовь к Родине. Может, это важнее. Но я говорю о другом. О том, что в каждом из нас есть честолюбие в большей или меньшей степени. Вы честолюбивы? Я, например, честолюбив...

— Про себя не знаю.

— А про Акбара?
— У него это есть, но...
— Ну вот. Он честолюбив. Об этом я говорю.
— Желание услышать похвалу Учителя, пожалуй, не совсем то честолюбие, о котором выговорите. Это выше, благороднее, Я убежден! Акбар не столько честолюбивый, как благодарный, а это разные вещи — благодарность и честолюбие. Акбар, и не только он, мы стали не только физически сильнее, но и мудрее, человечнее в результате старания нашего тренера. Он бескорыстный человек, поймите! Он отдает каждому из нас все лучшее, что в нем, и не скуднеет от этого. Успех ученика для него дороже, чем свой собственный...

В разговор вмешался, шофер. Он сказал:

— Я думаю, что честолюбие — тьфу, дурость, пережиток! Лесть опять-таки развивает...

— Слышите, доктор! — радостно воскликнул Смирнов. — Пережиток! С ним можно и в лужу сесть.

— Как это? — спросил врач.

— А просто. Впросак попадешь, если делать ставку на человеческую глупость. Ведь честолюбие идет, наверное, не от ума. Вот и фашисты думали, что Сережа Павлов глупый, да это было не так. И он ушел из их лап и товарищей спас...

Шофер перебил Смирнова.

— Акбар отстал от группы, — сказал он.

Все устремили взгляды на шоссе и забыли о разговоре.

СЕРЕЖА ПАВЛОВ

— Ты должен успеть, — сказал Юрий Николаевич. — Понимаешь, должен, обязан! Облаву они начнут в пять. И до пяти ты должен успеть. Письмо спрячешь в трубе. Снимай седло!

Сергей подошел к своему велосипеду, взял ключ и начал откручивать гайку. Тренер продолжал:

— Езжай в трусах и веломайке. Как всегда, чтобы не было никаких

подозрений. Главное, выйти из города. А спросят, говори, что ты гонщик, что надо тренироваться. Понимаешь, только у тебя есть шанс вырваться из города и успеть. Мы ведь узнали, что будет облава, только сегодня. Знаю, тебе будет нелегко. 110 километров — это много для тебя, но, Сереженька, надо!

Учитель вздохнул и полез в стол за клеем.

Павлов вытащил из трубы седло. Юрий Николаевич помазал клеем внутри седла и аккуратно прилепил бумажный шарик... Павлов выкатил велосипед, огляделся. Было часов одиннадцать. Когда он сел на машину, позади загредел засов: Юрий Николаевич запирает велостанцию.

Сергей ехал по улицам родного города спокойно и не оглядываясь вокруг. Тут, в городе, его не остановят.

Но вот у выезда из города его остановил полицейский патруль. Один из полицаев узнал Павлова, сказал;

— Ты все тренируешься. Ну, тренируйся, да смотри, до вечера, постреленок, вернись.

— Дядя Паша, я, может, у бабушки на ночь останусь. Можно?

И это знал полицаи Павел Нелюдим, знал, что до Палестинки верст 25. Там живет бабушка Павлова. А Палестинки — большое село, которое разрезает асфальтовое шоссе. Полицай сказал:

— Ладно, валяй!

Сергей придавил на педали. Впереди — сто десять километров. Путь это дальний.

Конечно, Сергей ни разу, в жизни не ездил на такие дистанции, даже на тренировках. Учитель был строг в дозировках километража. Он берег сердце юноши. Берег даже в это военное лето, когда связной Павлов часто под видом тренировок выезжал по заданию из оккупированного фашистами города. Он ездил обычно недалеко. В Палестинки или в Ивановку или к хутору Демидова, где его в определенные часы поджидали партизанские связные.

На этот раз Учитель дал Павлову очень важное и трудное задание — проехать

сто десять километров, предупредить подпольную группу в Листове о готовящейся облаве. Другого он послать не мог. Павлова там знали в лицо. Там на железнодорожной станции работал его отец, тоже подпольщик...

Итак, Сергей выехал из города удачно, без всяких затруднений. Ему невольно помог предатель Родины. Без приключений доехал Павлов и до Палестинок, где остановился ровно на двадцать минут, чтобы поесть. Здесь его накормила бабушка, которой он сказал, что едет к отцу в гости. Он выехал из Палестинок сытый, уверенный и бодрый.

К трем часам Сережа Павлов был уже в Сазоновке. За четыре часа спортсмен проехал более семидесяти километров и почувствовал усталость. До конечной Цели оставалось немногим более сорока километров. И он считал, что пройдет их часа за полтора. Так он считал. И, наверное, прошел бы, но...

В Сазоновке его неожиданно остановили два немецких офицера на мотоцикле. Один из них хорошо говорил по-русски.

— Документы!

Сергей развел руками.

— Спортсмен я. Тренируюсь.

Фашист презрительно оглядел щуплую» совсем не спортивную фигуру Павлова.

— Врешь!

Парень смущенно пожал плечами. Задержка угнетала его. Он мог не успеть. Но что делать?

— Врешь, — сказал фашист, говоривший по-русски, — говори правду. Зачем тебе ехать в Листов? Тренируешься? Врешь! У тебя плохо развита грудь, совсем слабые ноги. Скажи прямо, что ты впервые сел на спортивный велосипед?

— Я не вру. Тренируюсь уже второй год и в районе у меня первое место было.

Первое место... Павлов никогда не занимал первых мест, но решил обмануть врагов. Однако ему не повезло. Офицер когда-то сам был гонщиком и разбирался в велоспорте. Он об этом сказал самодовольно:

— Я входил в десятку лучших гонщиков

Мюнхена, меня не проведешь! А если мы тебя проверим?

— Проверяйте, — сказал Сережа.

А время шло, уходило драгоценное время...

— Я задам тебе несколько вопросов, — сказал фашист. — Любой гонщик па них ответит легко. И если ты не гонщик... Ты согласен?

— Согласен...

— А за мотоциклом пойдешь у меня на колесе?

— Пойду...

И тут в голову парня пришла дерзкая мысль. Он решил использовать фашистов. Ведь они его задержали, он может не успеть в Листов до облавы. А что, если...

— Тю, за мотоциклом, — сказал залихватски Павлов, — это чепуха! У моего брата был мотоцикл. Так я все время за ним ходил. Он идет семьдесят, и я иду семьдесят, не отстаю. Поехали в Листов, а я за вами. Я выдержу!

— Врешь!

— Ей-ей не вру! Можете проверить. До самого Листова буду идти за мотоциклом...

Сергей говорил торопливо и лихорадочно думал. Так его учил тренер: думать во время гонки, разрабатывать свою тактику, навязывать ее противнику, быть мужественным до конца. И тогда ты победишь. Сейчас он тоже находится в схватке, причем не с соперниками, а с врагами. Финиш — это город Листов. Награда за победу — жизни многих людей. Быть может, жизнь отца. И Сергей обязан, должен выиграть эту сложнейшую гонку...

Фашисты оглядели запыленного, уставшего паренька, засмеялись, заговорили между собой на немецком языке. А Павлов с трепетом ждал их решения.

— Хорошо, — сказал тот, что говорил по-русски, — будем проверять. Ты глупый и самоуверенный парень. Это мне нравится. Мы будем держать скорость не больше шестидесяти километров и не ниже пятидесяти. Ясно? А ты идешь до Листова на колесе мотоцикла.

Отстанешь... — офицер многозначительно похлопал по кобуре парабеллума. — Это за обман. А если не отстанешь, получишь приз. Пять... нет, десять пачек шоколада!

— Десять пачек! Вот здорово!..

— Поехали, — сказал офицер и завел мотоцикл. Мощный мотор загудел ровно и могуче. Павлов сел на велосипед и ушел вперед, чтобы набрать скорость, согреть мышцы, подготовить их к гонке.

Еще через пять минут Павлов уже сидел на колесе фашистского мотоцикла. Павлов шел, что называется, в притирку, в полуметре от мотоцикла, дышал ровно, глубоко, экономя каждый грамм своих сил. А фашист, расположившийся в люльке, обернулся к гонщику и так сидел все время. На коленях у него лежали пачки шоколада, кобура была растегнута... Он улыбался, весело переговаривался с тем, который был за рулем.

Первые десять километров Павлов прошел легко, с азартом, а потом ему внезапно стало тяжело. Наступила мертвая точка. И он преодолевал ее очень мучительно, как в полусне. Несколько раз он начинал отставать от мотоцикла. Медленно, но неумолимо. В такие моменты фашист клал руку на кобуру... Однако через два километра Павлов пришел в себя, цепко сел на колесо и не отставал. Больше того, Сергей позволил себе улыбаться, когда он искоса глядел на офицера в люльке. Лицо офицера приняло жесткое выражение. Он что-то сказал тому, что вел мотоцикл. И после этого Павлов почувствовал, что скорость стала увеличиваться.

Сергей думал, быть может, десять секунд и принял решение. Он, пока были силы, встал на педали и неожиданно сделал рывок, поравнялся с водителем, глянул на спидометр. Ну, конечно, почти семьдесят...

Павлов сделал несколько глубоких вдохов и после этого крикнул, глядя на спидометр:

— Нечестно!

И, приотстав, снова спрятался от встречного потока воздуха за мотоцикл.

Быть может, Павлов зря уличил фашистов в жульничестве. Он не мог поступить иначе. Он их уличил, и они, разозлившись, избрали иной прием. Мотоцикл начал идти не в одном темпе. Скорость то падала до пятидесяти километров в час, то резко возрастала. И уличить фашистов было трудно. Они ведь сохраняли колебания скорости в диапазоне, который поставили условием. И Павлов, стиснув зубы, крутил педали молча. Его словно привязали к мотоциклу фашистов, который мчался к Листову...

— Он успел? — нетерпеливо спросил шофер,

— Успел, — сказал Володя, — но вообще-то чуть было не успел, потому что его не узнали.

— Не узнали? — удивился шофер. — Так ведь отец...

— Он поседел, — сказал врач, — это естественно, испытал такой ужас — пистолет, готовый выстрелить...

— Он не поседел, доктор, — сказал Володя. — Тут другое. Понимаете, гонка совершенно изменила облик Павлова. Он за пять часов похудел до неузнаваемости, был покрыт потом, пылью, и глаза его ввалились. Вот почему его не признал сразу даже отец. Но потом все выяснилось. А Сергей после той гонки в Листов больше не садился на велосипед.

— Почему? — спросил шофер.

— Надорвался. Сердце погубил. И очень долго болел после всей этой истории...

— Еще бы, — сказал доктор, — испытать такое чудовищное нервное и физическое напряжение. Удивительно, как он выдержал.

12.

Юрий Николаевич очень хорошо видел, как отставал Барышев от группы и снова догонял ее. Во рту у тренера все пересохло. Он вдруг почувствовал на себе, какой жаркий сегодня день и как круты эти нескончаемые подъемы.

— Лиля, — попросил тренер, — дайте, пожалуйста, бачок с водой. Он есть?

Лиля вытащила из сумки, висевшей у нее через плечо, запасной бачок. Тренер, не глядя на бачок, взял его и, не отрывая

глаз от гонщиков, напился. Лиля позади шептала:

— Акбарчик, миленький, ну, ну...

Но Барышев отставал все чаще и чаще. Наконец он отстал слишком далеко и не мог нагнать группу при всем старании.

— Свершилось, — горько сказал тренер и начал сбавлять скорость мотоцикла, чтобы идти следом за Барышевым.

Когда разрыв между группой стал больше ста метров, Барышева обогнали все судейские машины и техничка, следовавшие за головкой. Алексей остался на шоссе один. Он потерял из виду группу. Ее загородили обогнавшие его машины. Позади Барышева катил с редким выхлопом лишь мотоцикл тренера.

123-й КИЛОМЕТР

Величайшая усталость овладела отставшим от группы Барышевым. И еще им овладело безразличие. Он чувствовал, как оно, легкое, как сновидение, баюкало его, ласкало, ничего не оставляя без внимания. В голове что-то жужжало, словно шмель, и вспыхивали, как искры, редкие мысли, которые он силился собрать воедино, дать команду...

«Самое лучшее — это зеленая трава и солнце, которое бьет в глаза».

«Я устал. И усталость надо победить. Раз, два... раз, два».

«Раз, два... Так учил учитель. Задать самому себе темп, выйти из этого состояния. Вот что нужно».

Он сгонял свои мысли в нечто единое, цельное с величайшим усилием, и вдруг ему в голову пришло нечто яркое, удивительное.

«Мысли, мои мысли, овцы, мои овцы! Я ваш, неудачный пастух, мысли. Вы разбежались по пустынной степи и похудели. Мысли, почему вы похудели? Что же мне делать?»

«Вперед! — сказал мысленно Барышей, — Вперед!» И услышал в самом себе такие слова: «А зачем это нужно? Зачем? В мире ничего не изменится, если я не приду к финишу. Зачем это напряжение, если существует покой? Покой, отдых...

что приятнее их!»

— Нет, нет, — прошептал Алексей и с трудом облизал шершавым языком пересохшие губы. Он наклонил голову, схватил зубами трубочку, торчавшую из бачка, и с восторгом потянул в рот теплую кислую воду.

Он напился, а потом задрал голову вверх, прополоскал горло и выплеснул воду с силой так, что она дождем упала на лицо.

«Ну, вот, — подумал Алексей, — совсем другой табак. А подъемы я все равно преодолю. Дальше будет легче», И тут ему стало до невыразимости обидно, что он отстал. Ярость на самого себя охватила его. Он закусил до боли губу и стал сильнее давить на педали и услышал в это время приказ Учителя:

— Не киснуть! Ясно? Не киснуть!

Барышев даже не глянул вправо на обочину, по которой проехал мимо Учитель. Лишь после слов Учителя он скосил налившиеся кровью глаза и на мгновение увидел Лилю. Тепло ее взгляда, полного любви, поддержки, согрело его, и заликовала его душа.

«Ты выдержишь, — сказала его душа голосом Лили, — выдержишь! Разве тебе в первый раз трудно? Разве тебе никогда не бывало трудно? Бывало, и не раз. И ты не жалел себя, своих ног...»

Мотоцикл тренера рокотал впереди, на самой верхушке последнего подъема. Барышев шел на ногах. Этот прием гонщики называют — «танцовщица».

— Он выдержит, — сказала Лилия тренеру. — Это я увидела в его глазах...

13.

Машина врача, набирая скорость, промчалась мимо отставшего Барышева. Барышев не видел Володю, который по пояс высунулся из машины, помахал рукой и крикнул:

— Акбар, не сбивайся с темпа!

Но этих слов Барышев не слышал. Он был слишком поглощен своими усилиями, измучен усталостью.

— Кончился наш Акбар, — сказал

врач,— вот какая штука!

Володя молчал.

130-й КИЛОМЕТР

По равнине Барышев шел хорошо. Он это чувствовал и шел хорошо.

«Сорок два в час будет», — подумал Алексей, Он это подумал, а потом подумал над тем, какое расстояние разделяет его и головку, от которой он отстал на подъемах. Получалось, что он отстал километра на полтора. Посмотрел вперед, вдоль шоссе. Оно было пустое. Лишь вдали маячили машины. Может, это были машины, следовавшие за группой. Но потом их не стало видно. Они скрылись за поворотом. Здесь шоссе не прямое. Оно все время извивается. Так что далеко здесь не видно.

«Они идут, наверное, километров сорок в час. Ну, конечно, сорок, — подумал Барышев,— а может быть, и меньше. Дело ведь к финишу, и все берегут силы для решающего броска. Да и ребята притормаживают группу».

Алексей начал высчитывать, сможет ли он достать головку, если его средняя скорость будет все время сорок два в час. Получалось, что он их достанет. Надо только одно — силы, а их было мало.

«Надо прибавить скорость до сорока пяти», — подумал он и прибавил. «Сорок пять. Это значит, что я каждый километр прохожу за минуту двадцать секунд. А они — сорок. Километр за минуту тридцать секунд. Что же получается?»

Он мучительно пытался вычислить в уме то, сколько он выигрывает при скорости в сорок пять у них на каждом километре, но сбивался. Цифры рядами вставали у него перед глазами. Он их делил, умножал и... терял результат. В конце концов он высчитал, сколько метров проходит за секунду. Получалось 12,5 метра. А они проходят за секунду чуть больше одиннадцати метров. Разница равна полутора метрам.

Барышев стал сильнее давить педали, чтобы его средняя скорость наверняка равнялась сорока пяти километрам. Свою

скорость он мог определить почти точно, до \pm километр в час. Этому научил тренер. Тренер много раз изводил его и других ребят вопросами, с какой скоростью идешь сейчас, а сейчас? И он научился определять среднечасовую скорость.

То, что он выигрывает на каждом километре у них по девяносто метров, радовало, прибавляло ему сил. И он очень старался. Ведь получалось, что около финиша нагонит их...

«Если бы мне их увидеть, — говорил Барышев в уме, — если бы увидеть... Тогда я их догоню...»

Назад Барышев смотрел редко. Он был совершенно уверен в том, что парень из «Буревестника», идущий где-то позади, далеко и никогда его не догонит. Его цель накатить группу. Он в глубине души надеялся на подобный вариант. Он жаждал победы. Но после трезвых размышлений решил, что у него почти нет шансов на победу. И это глубоко опечалило его...

Гонщика, который шел впереди, Барышев увидел внезапно. И этот гонщик был совсем близко.

«Кто это отстал?» — подумал Барышев. Ему и в голову не пришло, что это может быть Сергей. Но это был Сергей, которого ходом обошла головка,

Сергей шел медленно, до удивления медленно, Барышев очень быстро нагнал его и увидел, что Сергей идет без всякого напряжения, так, словно он на прогулке.

Барышев поравнялся с Сергеем и все понял. Сергей шел на ободке.

— Один прокол, второй прокол, — сказал Сергей, — где же я трубок наберусь? А ты, значит, отвалил?

— На подъемах, — сказал Барышев. —

А хвалился, буду первым! Трепач ты,

Леха. Это я сразу тебе сказал.

В груди у Барышева защемило, а потом пришла ярость, но он промолчал. Чего говорить с этим неудачником! Надо догонять группу.

— Валяй, — сказал Сергей, — ты можешь их догнать. А я буду потихоньку, пока не подберет машина. Обод жалко...

Решение пришло в голову Барышева сразу. Он все прикинул, все рассчитал за одну секунду, и сказал:

— Бери, Серега, мою запаску!

Сергей удивленно поглядел на Барышева, потом затормозил. Он лихорадочно заспешил. Он был спортсменом, и возможность продолжать гонку, глубоко обрадовала его.

— Давай запаску!

Алексей посмотрел на шоссе и увидел того парня из «Буревестника».

— Ты быстрее, — сказал Барышев.

«Вдвоем мы от него уйдем, — подумал он, — это точно. Серега сильный парень».

Сергей затянул эксцентрики, а Барышев в это время напился из своего бачка. Сергей искоса поглядел на Барышева, облизал сухие губы. Его бачок был пуст. Они сели на велосипеды.

— Начали работать, — сказал Сергей.

Барышев вытащил из крепления бачок, протянул Сергею.

— Напейся, а я пока буду лидировать.

Сергей взял бачок, а Алексей вышел вперед и начал быстро набирать скорость.

«Пятьдесят, — подумал Барышев, — а может, и больше. Вот отдохнул чуток и совсем Другой табак... А группа ушла. Их теперь не догонишь. И все из-за Сереги».

— Я выхожу, — сказал рядом Серега. — Ты как себя чувствуешь? — спросил Сергей.

— Хорошо, — почти шепотом ответил Алексей.

— Леха, — ликуя сказал Сергей, — Леха, я не сволочь, поверь! Ты все время сиди у меня на колесе, Я буду работать, как черт. Сдохну, а группу достану. Я приведу тебя, Леха, в группу!

Сергей вышел вперед и пошел. Он шел в очень высоком темпе. В таком высоком темпе, что Барышев с трудом сидел у него на колесе. Мастер спорта показывал, на что он способен, когда в нем кипит решимость.

И так они шли километр за километром...

Через некоторое время Смирнов снова поглядел назад и не увидел Барышева, хотя шоссе просматривалось больше чем

на два километра.

— Не видно? — спросил врач.

— Нет.

— Значит, совсем отстал, — сказал врач. — Жаль, очень жаль...

14.

Тренер очень беспокоился. Мысль о Барышеве все время волновала его. Он не мог отделаться от ощущения виновности. Ему казалось, что он виноват в том, что Алексей отстал...

Конечно, если рассуждать логично, то тренер не виноват. И даже в том, что Барышев пошел в гонку вместо Смирнова.

«Как он там?» — думал с тревогой Юрий Николаевич. И наконец он не выдержал, сбросил газ, затормозил, — Будем ждать Алексея, — сказал тренер Лиле.

Они слезли с мотоцикла. Юрий Николаевич поставил мотоцикл на подножку, сел на траву, а Лиля стала собирать на обочине цветы.

Тренер смотрел на часы. Через три минуты после остановки он увидел вдали двух гонщиков.

— Вдвоем идут, с кем же это он?

— Может, с Сергеем? — сказала Лиля.

Юрий Николаевич покачал головой.

— У Сергея прокол... Алексей идет с парнем из «Буревестника». Плохо!

— Неужели Барышев чувствует себя так плохо и дал себя достать?

— Пришла беда — отворяй ворота, — сказал тренер. — Мы можем проиграть первое место, если Алексей не выиграет у этого парня финиш.

— А разве задержку Акбара около переезда не учтут? — спросила Лиля.

— В том-то и дело, что я в этом не уверен. Это как решит главный...

Гонщики прошли мимо них на высокой скорости.

— С Сережкой идет! Ура! — крикнула Лиля и затанцевала, схватив тренера за руки.

Юрий Николаевич заулыбался:

— Хорошо, хорошо!

— Смотрите, как они поливают! — крикнула возбужденная Лиля. — Ах,

как они поливают!

«Барышев, очевидно, дал этому Сергею свою запаску, — подумал тренер. — Это он молодец. Товарища выручил. Молодец! И вдвоем лучше идти».

Мысль о том, что Акбар выручил Сергея, глубоко обрадовала старого тренера. Значит, не даром он твердил неустанно, что велосипед — вид спорта коллективный, что помочь в гонке товарищу порой важнее чем выиграть гонку.

15.

Володя услышал чей-то голос. Кто-то на техничке кричал:

— Дорогу, дорогу, гонщики идут!

Судейские машины и машина врача подались в сторону, очищая шоссе. И в это время пораженный Смирнов увидел двух гонщиков. Они шли очень резво, словно им в спину дул сильный ветер. Они промчались мимо Володи, взяли левее и накатом обошли даже головку.

Это было похоже на чудо. Смирнов не мог вымолвить и слова. Акбар и его товарищ достали головную группу. Как же это они сумели?

Врач восхищался:

— Красиво! Вот это парни дали! И Акбар, Акбар-то, словно его подменили!

Шофер надавил на клаксон. «Волга», словно фанфары, пропела один из сигналов Учителя, обозначавший — «Молодцы!»

На техничке, в которой сидело много сошедших гонщиков и представителей девушек, раздались голоса. Голоса скандировали:

«Ак-бар, Сер-гей. Ак-бар, Сер-гей!..»

Врач посмотрел на техничку, сказал:

— Акбар-то молодец, а вы?

Врач упрекал тех, кто не выдержал гонки, сошел с дистанции. Таких по случаю сильной жары было немало.

— Что они, — сказал шофер, — они не слышат.

— И потом, они не виноваты, — сказал Володя, — а их представители и тренеры виноваты. Зачем выпускать на старт людей, которые не совсем подготовлены? Так нет, выпускают, на чудо надеются. И вы, врачи, виноваты...

Врач пожал плечами.

— Я тут не при чем!..

Володя стал смотреть вперед, на гонщиков. Они шли в ровном темпе, часто сменялись. Лишь один из них — Сергей — не выходил лидировать: он отсиживался на колесе. Его силы были на исходе.

137-й КИЛОМЕТР

Конечно, Сергею было очень тяжело даже сидеть на колесе. Но и Барышеву было не легче. То, что они вдвоем достали группу, стоило им величайших усилий. Но больше усилий приложил Сергей и гордился этим. В сущности, он мог быть в группе до первого рывка. И вот этот рывок состоялся, и Сергей отстал, потому что его силы иссякли.

Барышев заметил, как отстал Сергей. В первый момент он решил тоже отстать, чтобы подтянуть Сергея, помочь ему догнать группу.

И Барышев начал сбавлять скорость. Сергей отстал метров на двадцать.

Когда Барышев поравнялся с Сергеем, он удивился его злому выражению лица. Сергей выругался. Его лицо было серым, покрытым налетом выступившей соли, а глаза ввалились. Он тяжело дышал, руки, державшие руль, дрожали.

— Идиот! — прохрипел Сергей и снова грубо выругался. — Чего отстал от группы?

— Садись на колесо, — коротко сказал Барышев и глянул вперед. До группы было метров сорок.

Сергей приподнялся на седле, широко раскрыл рот и судорожно хватал горячий воздух. Он встал с седла и пошел работать «танцовщицей», вкладывая в этот последний для него рывок остатки сил, Барышев кинулся за ним, и они догнали группу и шли рядом на колесе у трудовцев.

Сергей немного отдышался и снова прохрипел, зло косясь на Алексея:

— Я тебе, с..., отстану!

После этого Сергей бросил крутить педали, нажал на тормоза.

Когда Алексей обернулся, он увидел, что Сергей уже стоит на дороге с поднятой

рукой. «Я схожу!» — крикнул он проезжавшему мимо главному судье.

А Барышев неистово вращал педалями и думал:

«Сергея, ты брат мой. Сергей, я люблю тебя, как брата...»

И тут он заметил, что идти стало тяжелее, что переднее колесо предательски постукивает о неровности шоссе. Барышев глянул на колесо. Трубка на колесе была полупущена...

«Пробил, — с отчаянием подумал Барышев, — пробил, и воздух медленно уходит...»

А до финиша оставались считанные километры.

«Ладно, — подумал Алексей, — дойду на обода. Только надо предупредить Славку».

— Осталось девять километров; — сказал шофер, — гонка подходит к концу.

— Вот именно, — сказал врач, — вот именно. Сейчас начнется баталия за первое место. Посмотрим, на что способен этот Акбар. Он уже начал беречь силы, вперед не лезет. С хитрецой парень!

16.

Так как гонка шла к концу, машина главного судьи рванулась вперед, обогнала гонщиков и помчалась к финишу. Главный спешил подготовиться к финишу. Он переписал номера гонщиков из головной группы и сказал шоферу:

— Пошел вперед, а то не успеем!

Юрий Николаевич решил, что н ему надо поспешить на финиш. Тренер сказал Лиле:

— Приедем, пусть девочки сразу подготовятся принимать ребят. Откупорьте бутылки с водой, перелейте воду в бачки. Там есть запасные. Ясно? А я буду засекаать время...

«Симсон» мчался к финишу. На финише трепетали на ветру флаги спортивных обществ...

148-й КИЛОМЕТР

Как это произошло? Барышев сразу не разобрал. Его просто с силой выкинуло из седла. Он упал на шоссе, перевернулся и сразу поднялся на ноги. Он не заметил выбоины на обочине шоссе, с размаху налетел на нее и...

Конечно, не иди он на обода, ничего страшного не произошло бы. Просто его тряхнуло бы, и все. Проскочил бы. Но он шел на обода, шел изо всех сил с затуманенным взглядом. И ноги были свинцовые.

Поднявшись, Барышев увидел, что гонщики резво идут на финиш. Финиш был почти рядом. Были видны флаги, люди и машины у финиша. Горечь и отчаяние охватили Барышева в тот же момент. Он неуклюже, тяжело побежал к своему велосипеду и тут услышал голос врача:

— Цел? Гонку продолжать будешь?

— Да, да, — чуть не плача проговорил Барышев и схватил велосипед.

«Я зачетный, я зачетный в команде», — стучало в голове Алексея. Он поднял велосипед, Переднее колесо было разбито вдребезги. Это так ошеломило Барышева, что он медленно опустился на асфальт и горько заплакал. Володя Смирнов тоже растерялся и заметался по шоссе с возгласом:

— Велосипед ему! У кого есть велосипед?

Но рядом никого не было. Техничка, на которой сидели сошедшие гонщики с целыми велосипедами, не останавливаясь ушла к финишу за головкой. На шоссе стояла лишь медицинская машина, врач, он, Володя, и плачущий Барышев около разбитого велосипеда. Барышев был весь в ссадинах. Он не обращал внимания на врача, который ничего лучшего не мог выдумать и торопливо мазал ссадины йодом. В это время мимо пронесся гонщик из «Буревестника»...

Барышев оттолкнул врача, схватил велосипед, повесил его через плечо и с трудом побежал. Ноги ему плохо повиновались. Болело нестерпимо ушибленное колено. Машина врача медленно ехала за ним.

И так он пришел на финиш...

Трудовцы и Учитель увидели бегущего к финишу Барышева с велосипедом и выбежали навстречу. А потом Барышев пересек линию финиша и вслед за ним — его молчаливый эскорт, и судья крикнул: — Есть!

ПОСЛЕ ФИНИША

Врач бинтовал ссадины Барышева и говорил:

— Геройский ты парень. Ну, молодец, просто молодец! Пришел все же на финиш...

— Вот именно, пришел, — горько пошутил Алексей, — а точнее, прибежал.

— Ты не огорчайся, что не занял первое место. Тебе просто не везло...

— Я не огорчаюсь, но вот команду подвел...

Ему было больно и обидно. И снова ему хотелось плакать. То, что он не пришел первым, это, конечно, чепуха. Главное, что команда из-за его невнимательности очутилась на втором месте.

От мыслей его отвлекла Лиля. Она подбежала к Барышеву, обхватила его за шею и, никого не стыдясь, стала целовать его.

— Акбар, милый, все было не зря. «Труд» на первом месте. Акбарчик, на первом месте, подумать только!

— Как так? — растерянно спросил Алексей.

— А так. Судьи зачли тебе задержку около переезда. И то, что тебя обошел парень из «Буревестника», чепуха. Понимаешь, твое время лучше его на пять секунд. На пять секунд!

Барышев широко раскрыл глаза. Вот оно что! Он не зря бежал. Он выигрывал секунды. Ах, эти секунды, пять маленьких секунд, принесших команде победу! Это все ради них. Ради них и боль, и горечь, и отчаяние, и мужество, и усталость. Драгоценные секунды, выигранные в борьбе!

Подбежали ребята, хотели качать Барышева, но врач накричал на них, и они ушли.

В душе Алексея играл оркестр. Он играл гимны, и все в нем пело, торжествовало. Лишь мысли, эти нагорные жители, не терпели радостного хаоса, а связывали все воедино, делали обобщения и неслышно скользили со страшной скоростью по бесконечным извилинам его мозга.

«Каждая гонка похожа на жизнь. Учитель прав, когда уверял, что спортсмен живет много раз. Разве рождение человека не тот же старт? Разве завершение пути человеческого не похоже на финиш?

«Пройти от старта до финиша — это значит прожить одну жизнь. И от тебя зависит то, как ты проживешь ее. Хорошо или плохо, это зависит от тебя».

«Сколько я жизнью прожил? — спросил Барышев и ответил сам себе: — О, очень много! Сосчитать будет нелегко. И я горжусь этим».

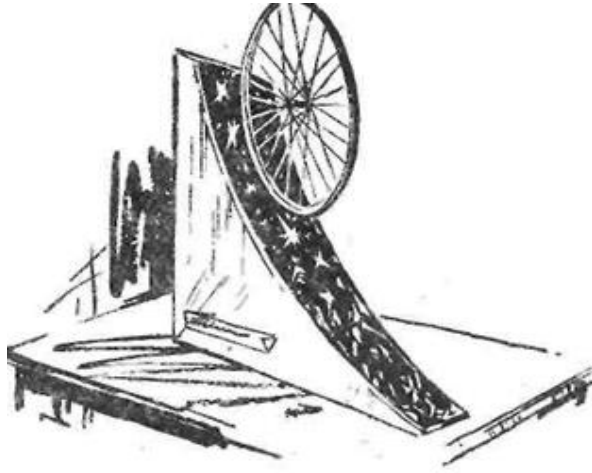
Барышев начал вспоминать, сколько, раз он в своей жизни стартовал и сколько раз приходилось ему финишировать. Он долго считал, но это было нелегко. Многие гонки были бесцветными, невыразительными и даже неудачными. И он позабыл о них. Но он заставил себя вспомнить все, сделать подсчеты и гордо сказал врачу:

— Доктор, это была моя сто пятая гонка. Самая трудная гонка! Гонка, которую никогда не забуду. Но впереди у меня еще более трудные гонки. Но это ничего. Я к ним готов и жду их с нетерпением.

— Да, — сказал врач, — три часа сорок минут вам было не легко. — Я вам немного завидую. Впрочем, старость всегда завидует молодости...

Потом Барышев лежал в траве и отдыхал, думая о разном. Он лежал неподалеку от шоссе, лежал на боку и смотрел на дорогу. По ней проезжали гонщики. Они спешили домой, переговариваясь между собой. Он видел колеса и ноги гонщиков, а лиц их он не видел.

К Барышеву подошел тренер и сел рядом на траву. Он положил руку на голову Алек-

сея и ласково перебирал волосы, русые, жесткие от пота и пыли. Алексей зажмурил глаза и дышал тихонько. Он словно боялся спугнуть трепетавшую руку тренера и весь пламенел от нежности к тренеру.

— Учитель, — сказал Барышев тихо, но Юрий Николаевич услышал. — Учитель, спасибо вам за все...

Учитель рассмеялся и спросил:

— За что?

Барышев молчал.

— Вот что, Леша, — сказал тренер, — у меня есть к тебе просьба. Я попрошу тебя, когда мы вернемся в наш город, зайти ко мне и расписаться на «Звездном колесе».

Алексей поднял голову, молча посмотрел в старые и мудрые глаза Юрия Николаевича, улыбнулся. А чему он улыбался, он не знал. Он думал, а рядом по шоссе проезжали гонщики. Барышев повернул голову и снова увидел только колеса и ноги. Колеса были одинаковые, а ноги — нет. Мимо проходили ноги. Ноги тех, которые прошли всю дистанцию, и тех, которые не выдержали гонки.

Ноги бывают разные...

(Повесть печатается с сокращениями.)